

Нью-Кробюзон:
ВОКЗАЛ ПОТЕРЯННЫХ СНОВ
ШРАМ
ЖЕЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ
НОН ЛОН ДОН
ГОРОД И ГОРОД
КРАКЕН
ПОСОЛЬСКИЙ ГОРОД
РЕЛЬСЫ
В ПОИСКАХ ДЖЕЙКА

ЧАЙНА МЪЕВИЛЬ

В поисках
Джейка

fanzon

Москва

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М96

China Mieville
LOOKING FOR JAKE
Copyright © China Mieville, 2005

Разработка серии, иллюстрации на обложке и форзаце
В. Половцева

Перевод с английского
Н. Екимовой, А. Георгиева, А. Поляковой

Оформление *А. Саукова*

Мьевиль, Чайна.

М96 В поисках Джейка / Чайна Мьевиль ; [пер. с англ. Н. Екимовой, А. Георгиева, А. Поляковой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Большая фантастика).

ISBN 978-5-699-91446-3

«В поисках Джейка» — первый сборник рассказов Чайны Мьевиль, признанного мастера фантазмагорической прозы. Каждый рассказ — маленький шедевр, раскрывающий все грани таланта писателя: яркие образы, изящное владение словом и неподражаемый стиль. Каждый рассказ — еще одна ступенька, уводящая читателя в мрачный, сюрреалистичный, причудливый мир безграничной фантазии.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91446-3

© А. Георгиев, Н. Екимова, А. Полякова,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Джейку

Не знаю, как я тебя потерял. Помню только, как долго искал тебя, лихорадочно, отчаянно... Почти с ума сходил от тревоги. А потом я тебя нашел, и все опять стало хорошо. Только я потерял тебя снова. Как это вышло, ума не приложу.

Я сижу здесь, на плоской крыше, которую ты наверняка помнишь, и смотрю вниз, на опасный город. Ты, конечно, помнишь, что вид с моей крыши открывается скучный. Вблизи нет ни парков, которые прерывали бы монотонность застройки, ни башен, стоящих хоть какого-нибудь упоминания. Одна сплошная, непрерывная поперечная штриховка кирпичей и известки, хаотическая монотонность проулков, которая тянется от моего дома до самого горизонта. Я был сильно разочарован, когда только въехал сюда; я не видел потенциала, заключенного в ландшафте. Не видел до самой Ночи Костров.

Только что я ощутил порыв холодного воздуха и услышал хлопки мокрого белья на ветру. Конечно, я ничего не видел, но знаю, что мимо пролетел кто-то из ранних пташек. За силуэтами газгольдеров уже сгущается темнота.

...В ту ночь, пятого ноября, я поднялся на крышу и смотрел, как всюду вокруг меня с грохотом рвались дешевые фейерверки. Они рассыпались искрами как раз на уровне моих глаз, и я прослеживал их путь назад, к крошечным садикам и балконам, откуда они взлетали. Конечно, сосчитать их я не мог; их было слишком много. Поэтому я просто сидел, окруженный этим ревущим красно-золотым великолепием, и потрясенно глазел. Подумать только, что этот серый, точно линияый город, на который я с пренебрежением смотрел столько дней подряд, выплеснул столько мощи, столько чистой, прекрасной энергии.

Я был покорен. Это проявление силы осталось в моей памяти навсегда, и я никогда уже не верил в безмятежность улиц, которые видел из своего окна. Они были опасны. Такими они остаются и сейчас.

Хотя теперь это, конечно, совсем другая опасность. Все ведь изменилось. Я шел ко дну, я нашел тебя и снова потерял, и вот теперь сижу один на этой крыше, где мне некому помочь.

Ветер доносит до меня шипение и едва слышное бормотание. Их гнездо где-то близко, и когда подкрадывается темнота, они начинают шевелиться, они просыпаются.

Твои визиты ко мне всегда были так редки. Я тогда как раз переехал в новую квартиру, и море дешевых компьютерных магазинов, мелких букмекерских контор и бакалейных лавчонок кипело подо мной на Килбурн-Хай-роуд. Район был недорогой и полный жизни. Я был доволен, как свинья в луже. Счастлив,

..... В ПОИСКАХ ДЖЕЙКА

как идиот. Я обедал в ближайшей индийской забегаловке, ходил на работу и, смущаясь, то и дело навещался в тот неряшливый книжный магазинчик, где вели независимую торговлю, несмотря на его убогий выбор. Мы часто говорили с тобой по телефону, и даже встречались у меня пару раз. Все всегда проходило отлично.

Да, у тебя я не был ни разу, это правда. Но ведь твоя квартира была аж в Барнете. Что поделать, я ведь всего лишь человек.

Из чего вообще состояла твоя жизнь? Как я мог быть так близок к тебе, любить тебя так сильно и так мало знать о твоей жизни? Северо-западный Лондон поглощал тебя вместе с твоими пластиковыми пакетами, а я лишь смутно представлял себе, где ты бываешь, с кем встречаешься, что собираешься делать. До сих пор не знаю, откуда у тебя брались деньги на музыку и книги. И не понимаю, что стало с тобой и с той женщиной, с которой у вас был межеумочный роман.

Мне всегда нравилось то, что твоя и моя сексуальная жизнь никак не влияла на наши отношения. Мы могли целый день резаться в игровые автоматы или спорить до хрипоты, обсуждая фильм какого-нибудь Игрека или Икса, а может быть, комикс, или альбом, или книгу, и лишь под конец, уже расставаясь, кто-нибудь из нас вскользь бросал пару слов о мучениях с очередной зазнобой или, наоборот, о блаженстве достигшей апогея любви.

Наши встречи были нечасты. Иногда мы даже по телефону не говорили неделями, но достаточно было одного звонка, и все снова становилось как прежде.

Теперь это уже невозможно. Я больше не прикасаюсь к телефону. В трубке давно не слышно гудков, только прерывистое шипение статического электричества, как будто мой аппарат сканирует пространство в поисках сигнала. Или, наоборот, блокирует их.

Когда я снял трубку в последний раз, чей-то шепот проник в мою голову по проводам и почтительным тоном задал мне вопрос на языке, которого я не понимал, состоявшем сплошь из шипящих и взрывных согласных. Я осторожно положил трубку и больше ее не поднимал.

Так вот, огни фейерверков показали мне городской ландшафт, открывавшийся с моей крыши, в его истинном виде, и научили относиться к нему с тем почтением, которого он заслуживал. Теперь его больше нет. Он изменился. Нет, топография осталась прежней, и дома все те же, стоят на своих местах, но их как будто выхолостили, заменив содержание чем-то новым. Темные магистрали не утратили своей былой красоты, но все стало иначе.

Расположение моего окна, высота моей мансарды скрывали от меня мостовые и асфальт: я хорошо видел крыши и стены, их каменную кладку и провалы между домами, но я никогда не видел земли и не наблюдал ни одного человеческого существа на улицах. И все же эта безлюдная панорама, открывающаяся моим глазам, бурлила потенциальной энергией. По улицам могли двигаться толпы пешеходов, где-то могла происходить вечеринка, а где-то — назревать бунт, хотя я ничего этого не видел. Ночь пятого ноября

научила меня ощущать наполненность пустоты, заряженность безлюдья.

Теперь этот заряд переменял полярность. Безлюдье сохранилось. Только теперь я не вижу никого, потому что никого нет. Тротуары больше не кишат людьми, на улицах перестали устраивать вечеринки, их никогда уже не будет.

Конечно, иногда эти улицы вновь становятся центром напряженного внимания, если на них вдруг показывается одинокий прохожий, нервный и решительный, как я, когда шагаю вниз по Килбурн-Хай-роуд, выйдя из дома. И обычно этому прохожему везет — он без приключений добирается до пустынного супермаркета, находит там еду и возвращается домой, как и я.

Но иногда прохожим случается падать в щели в тротуаре, которые вдруг разверзаются у них на пути, и тогда они исчезают там с отчаянным воплем, и улицы пустеют вновь. Или прохожего привлекает аромат вкуснятины, доносящийся из нарядного домика, жертва охотно переступает порог и тоже исчезает навсегда. Или с ветвей дерева, под которым он проходит, спускаются сверкающие волокна и обматывают человека целиком.

Все это я придумываю. Конечно, я не знаю, как именно исчезают люди в эти странные дни, однако сотни тысяч, миллионы душ испарились из Лондона. На всех его главных улицах, как на магистрали перед моим домом, куда я гляжу сейчас, можно видеть лишь редких встревоженных прохожих — пьяницу, к примеру, или полицейского, который с потерянном видом слушает белиберду, доносящуюся из его рации,

а вон еще кто-то сидит голышом в дверном проходе — и все старательно избегают смотреть друг на друга.

Так выглядят главные артерии города, а на остальных и вовсе пустыня.

А как там, где сейчас ты, Джейк? Ты еще у себя, в Барнете? Много ли у вас осталось народу? Или все кинулись в пригород?

Вряд ли у вас там хуже, чем в Килбурне.

Нигде не может быть хуже, чем в Килбурне.

Я вдруг обнаружил, что живу в Безжизненных землях.

Потому что здесь все началось, здесь центр. В котором еще живет горстка придурков вроде меня, да и тех день ото дня становится все меньше. К примеру, мужичок в вельвете уже несколько дней не показывается, да и сердитого паренька, который раньше обитал в булочной, больше не видно.

Зря мы тут торчим. Ведь нас же, в конце концов, предупредили.

Убивай. Жги.¹

Почему я еще здесь? Я ведь могу относительно безопасно пробраться на юг, к центру города. Я делал так раньше; я знаю, как надо поступать. Выйти в полдень, взять с собой словарь, как талисман. Клянусь, это он меня защищает. Он стал моим гримуаром. Пешком до Мраморной Арки около часа, дорога все время по главным улицам. Так что шансы у меня приличные.

Я ведь так уже делал — спускался по Мейда-Вейл, переходил через канал, в котором теперь чего только

¹ И г р а с л о в — название лондонского района Килбурн (Kilburn) состоит из двух слогов, созвучных словам kill — убивай и burn — жги. (Прим. пер.)

не плавают. Потом мимо башни на Эджвер-роуд с ее экзоскелетом из красных балок, которые вонзаются в небо на высоте двадцати футов над плоской крышей. Я слышал, как кто-то ступает мягкими лапами и фыркает там, в этой высотной тюрьме, видел промельк блестящих мышц и гладкого меха, когда он стал трясти клетку.

Наверное, те, которые хлопают крыльями, бросают ему еду сверху.

Но стоит только пройти мимо него — и я в безопасности, можно сказать, дома — на Оксфорд-стрит, где сейчас живет почти весь Лондон. В последний раз я был там месяц назад, и ничего, они молодцы. Несколько магазинов еще работают, вместо денег ходят какие-то бумажки с надписями, нацарапанными прямо от руки, на них покупают то, что удастся спасти из других районов, или сделать самим, или обнаружить поутру чудесным образом доставленным неизвестно откуда.

Хотя, конечно, им не избежать судьбы остального города. Об этом говорят знаки, они повсюду.

Теперь, когда людей стало значительно меньше, город производит собственный мусор. В щелях зданий, в узких пространствах под днищами припаркованных машин материя самоорганизуется в промасленные упаковки от жареной картошки, сломанные игрушки, пустые сигаретные пачки, а те, рано или поздно, обрывают пуповину, связывающую их с землей, и катятся по улицам. Даже на Оксфорд-стрит по утрам находят свежие мусорные всходы, причем каждый гадкий новорожденный фрагмент отмечен крошечным вздутым пупком.